

Птица Агугук — знак судьбы

Общая газета. — 1998, —
— 24-30 дек. — с. 10

Андрей Борисов стал режиссером волей случая, а министром — по собственной воле

УЖЕ ВОСЕМЬ лет он совмещает два поста — министра культуры Якутии и художественного руководителя Саха Академического театра имени П.А. Ойунского. По счастью, режиссер не умер в министре.

В центре Якутска стоит недостроенным здание театра. Больше пятнадцати лет артисты прославленной труппы играют в очередь с музыкальным коллективом республики. Хозяйство у министра огромное — около 600 учреждений культуры, половина из которых находится в аварийном состоянии. Тем не менее говорить о кризисе было бы неправильно. Уже несколько лет работает в Якутске филиал Школы-студии МХАТ, этим летом новое поколение якутской студии принято в Щепкинское училище.

Последняя премьера Саха театра «Король Лир» выдвинута на соискание премии «Золотая маска» по трем номинациям.

— Вы часто говорите, что не существует культуры вне национальности...

— Многие мои спектакли были притягательны для зрителя «плаканьем в национальную жилетку», смысл их сводился к тому, что якуты — малочисленный народ, культура наша гибнет, мы уходим. В этом повинны катаклизмы истории, война, гнет российской империи. «Жилетка» хорошо «работала» на протяжении лет. Но потом нам самим стало скучно. Моя давняя мечта — поставить якутский эпос «Олонхо», но так, чтобы любой человек видел в нашем спектакле судьбу своего народа. Однажды я пришел к выводу, что Сократ был не прав, когда утверждал: «Я знаю, что ничего не знаю». Мне ближе формула: «Я знаю, что я ЗНАЛ». Позднее очень похожую мысль я прочел у Мераба Мамардашвили.

— В вашем спектакле «Кудангса Великий» по повести Ойунского действие происходило в двух измерениях: в Среднем мире — мире людей и Нижнем мире — обиталище злых духов. Каким же образом уживаются в якутском национальном созна-

нии язычество и православие?

— Прекрасно уживаются. Язычество обычно понимают как что-то элементарное. Не будем забывать, что в якутской мифологии целый пантеон богов, живущих в Верхнем мире, на девятирусном небе. Когда я родился, мой дядя помолился на образ, «покормил огонь» (огонь — символ солнца), заколол годовалого оленя по северному обычаю. Меня крестили. По линии моей бабушки у нас в роду были священники, все как один — ясноглазые, длинноротые. И все же в стране, где вера была растоптана, еще долго нельзя будет убежденно сказать: я — верующий. Хотя мои друзья, а среди них есть и буддийские монахи, и шаманы, считают меня верующим. А вся наша культура берет свое начало с кафедрального православного собора.

— Говорят: характер — это судьба. Как рано начал проявляться ваш характер?

— Я рос в глухой деревне, забытой Богом и людьми. Мама работала фельдшером, обьезжала на

велосипеде окрестные деревни, лечила доярок. Лечила, в основном, марганцовкой — лекарств ведь не было. Но кто-то тем не менее выздоравливал. Мама рассказывала: едет она на велосипеде по таежной дороге и в нескольких километрах от дома видит — впереди шагает маленькая старушка. Это, оказывается, я шагаю, это меня завязали в старушечий платок, чтоб теплее было. «Куда ты идешь?» — спрашивает мать. «К тебе иду». — «Зачем?» — «Хочу тебе отдать вот это». И тут я вручаю матери пряжку от ее ботинка. Мне тогда было года два. Эта маленькая старушка, идущая по тайге, мне иногда снится.

— Правда ли, что в театр вы попали совершенно случайно?

— В жизни вообще много случайностей. В повести Чингиза Айтматова есть такой образ — птица Агугук (морская сова). Герой «Пегего пса, бегущего краем моря» увидел эту птицу и нашел направление берега. А ведь мог и не увидеть. С детства я любил командовать, «роли распределять».

Собирал мальчишек и кого-то делал «красным», кого-то «белым», кого-то космонавтом. Первые впечатления от искусства связаны у меня с деревянной церковью на берегу Лены. В ней помещался клуб, и там показывали кино. В школе я мечтал, что стану кинорежиссером. Прошло время, и вот как-то летом иду я с отцом по улице в Якутске, а из ресторана выходят нам навстречу режиссер Василий Фомин и завлит Иннокентий Дмитриев. «Куда идете?» — спрашивают. «Да вот, — говорю, — в университет поступал, провалился и, наверное, буду конюхом устроиваться». — «А ты в театр не хочешь? У нас осенью набор будет в Щепкинское училище». Они смотрели на меня, как на лошадь. «Ну-ка покажи зубы, улыбнись!» Так я поступил. Вскоре я ушел в армию, и там, в самодеятельности, поставил композицию «Шесть орденов комсомола» (а может, пять — точно уже не помню). После армии работал в студенческом театре Якутского университета. Поехал поступать в

ГИТИС. Страшно удивился, когда узнал, что меня приняли на курс к А.А. Гончарову.

— А как возникла идея вашего дипломного спектакля «Желанный, голубой берег мой»?

— Шел по Свердловску, наткнулся на киоск. Смотрю, лежит роман-газета. Тоненькая такая, задрипанная. «Пегий пес» Айтматова стал для меня птицей Агугук. А ведь могла и мимо пролететь.

— Как вам удалось пережить первый успех?

— Времени не было покупать в успехе. Меня сразу назначили главным режиссером, и обком партии начал со мной бороться. Почему, я и сам не знаю. А когда началась перестройка, стал народным депутатом.

— Почему вы пошли в политику?

— Энергии, видно, было много нерастраченной. Кроме того, я искренне думал, что в нашей жизни можно что-то изменить. Интеллигенция меня поддерживала, я был избран единогласно. Входил

в межрегиональную группу, был непосредственным участником событий, голосовал за отделение прибалтов. Сейчас, когда мы живем в эпоху развала всего, по совести даже тень какая-то проходит. Думаешь: а если нужно было голосовать за отделение республик, как бы я поступил? Хотя, наверное, так же.

— Вы остаетесь министром культуры Якутии. Нет ли желания все бросить и заняться только искусством?

— Нет. Конечно, с годами я утратил чувство новизны своего положения, потерял любопытство, устал от однообразия чиновничьей жизни. Но я стараюсь по мере сил не «употреблять власть». Абсолютной свободы не существует. Если хотите, я против свободы от обязательств, от ответственности, от креста. Об этом я и ставил «Короля Лира».

— В «Лире» главной метафорой стал «железный век». Шекспировские персонажи убивают друг друга не красивыми мечами, а железными палками.

Режиссер-министр А. Борисов

— Однажды за городом я попал в грозу, в страшнейший ливень. Меня догнала машина, и из нее выскочили два парня — русский и якут, с железными монтировками. Ну, думаю — все, конец. Потом подъехала вторая машина и, по счастью, парни отвлеклись. А я понял, как ставить Шекспира.

— Вы считаете себя везучим?

— Мне необыкновенно повезло, что я попал в театр. Иногда думаю, что бы было, если бы я стал, например, врачом, практиковал бы в какой-нибудь провинциальной больнице, попивал спирт...

Беседовала
Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ